

ШУТ

Заметки старой калоши

день, но в другой упаковке. Он просто из другой страны, где побольше людей, где они не гавкают. Где умеют что-то кроме гавкать и скулить.

Тяжело качается занавес, униформисты укладывают вчерашний номер и готовят завтрашний, а сегодня выходит в черном фраке великолепный Пал Палыч, совершенно не зная, что будет по-

Сergeй ШАХИДЖАНЫ (фото),
Александр ТЕРЕХОВ (калоша).

Вот сходишь в цирк на Цветном, а потом уткнешься лбом в кулак и страдаешь: да-а, мда-а, гм-м... Наверное, я старею.

Нет, и волосы еще одноцветные, и ем почти все, что есть, и коммунизм иногда приснится под утро, но все-таки — не сажает больше на своих лошадей цирковая карусель, не завлекает в игру бархатная рулетка манежа...

Старость — это когда цирк оставляет тебя на берегу.

Это когда в старом «воскрешем» цирке ты сидишь с видом наследного принца на городской свалке, а программа катится мимо сама по себе клубком из рук придремавшей старушки, лишенная

малейшего умысла и соразмерности. Многозначная, как могильный курган, и затейливо оформленная, как летняя танцверанда поселка Селятино. Когда вид будто вчера выкраденного из детдома кордебалета, с трудом волочащего ноги, вызывает немедленное желание метнуться за кулисы и выкрикнуть неистовым голосом: «Да кто ж вас мучит, не кормит и раздел?!». Когда хозяин иллюзионного аттракциона работает на манеже с манерами завсечкией «Гастронома» на съемках передачи «Человек и закон», и гораздо интересней смотреть на его красивую жену, чем на то, как шпротами ложатся в подполье и за двойные стены резиновые девичьи, явно уставшие жить в большом искусстве.

И вдруг выходит клоун Грачик и — бьет в барабан! Ба-бах! Та-дах!

И тогда можно достать зубы с полки и снять коньки с гвоздика — еще не все потеряно!

Еще не все для нас, товарищи, потеряно. Клоуны встречаются в жизни только раз. Не потому, что мало живут они. Просто дети мало живут, быстро вырастают. И только хорошие клоуны рвут времена, как старую афишу, и для всех еще не все поте-

поскользнулся и упал, и очень обидно, что вы все смеетесь, а вон вы вообще ржете, может, хватит?

Он добровольно ребенок. На эту муку отваживаются только клоуны и святые. И Грачик — заложник света у тьмы крошечной. Он — та звездочка, которая прорывается сквозь черные кроны глухой порой, когда у нас растут клыки и когти, а она светит: братцы, а еще ведь не все потеряно. А если и потеряно, то я все это нашел!

Он не сядет сальности и пошлости, он не доит грязь политики и быта. Он совсем не то, что мы жуем каждый

ряно: и для вас, и для вас... И Грачик велик потому, в виду зную цифру, помню- что, падая четырнадцать раз в неделю на одном и том же месте, он делает это, не имея торские, а потому, что он

